

Великая общественная реформа

Многие из возражений, делаемых против замены единым налогом с ценности земель всех прочих собираемых теперь налогов, касаются людей, которые являются в одно и то же время и собственниками земли и ее владельцами, каковы фермеры или поселенцы. Однако, выясняя основной принцип, необходимо принимать собственников земли и владельцев ее за два различные класса. И нужно сначала рассмотреть влияние этой меры на все общество, в его целом, и только потом определять влияние ее на какой-либо отдельный класс.

На интересах всего общества замена налогом с ценности земель всех прочих налогов сказывалась бы тремя путями:

I. Путем сокращения правительственных и общественных расходов.

II. Путем увеличения производства богатства.

III. Путем установления более справедливого и равномерного распределения его.

1. Упрощение правительства и сокращение общественных расходов

Сокращение правительственных и общественных расходов при замене единым налогом с ценности земель всех прочих налогов было бы отнюдь не мало важным. Мы сэкономили бы те деньги, которые уходят теперь на жалованье, премии и служебные расходы множества чиновников, занятых сбором и исчислением массы существующих налогов,

государственных, региональных и муниципальных, и прочими делами, неразрывно связанными с теперешней громоздкой системой. Мы избавились бы от услуг всех этих чиновников, как самых крупных, которые тягаются по своему влиянию с губернаторами самодержавных штатов, так и самых мелких, которые следят, чтобы табак не продавался без бандеролей, чтобы разносчики не торговали без номеров, или обыскивают чемоданы и одежду пассажиров, переезжающих границу. Мы избавились бы от расходов на судебное преследование и тюремное заключение нарушителей нашего устава о пошлинах и сборах, а также и от затрат, нередко весьма значительных, на уклонение от платежа этих пошлин и сборов, — затрат, которые делаются все же народом.

Налог с ценности земель допускает большую точность исчисления, чем какой-либо то ни было другой налог, требуя менее всякого налога расходов на свое собирание. Земля—вся наружи; ее нельзя ни скрыть, ни утаить, и ценность ее определяется с чрезвычайной легкостью. Всякий сведущий комиссионер может сказать точную цену любого участка на какой угодно улице. Но чтобы определить ценность находящихся на нем построек, необходимо подробное исчисление специалиста, а ценность товаров, которые могут в них храниться, и вовсе не поддается исчислению посторонних лиц. Налог с земельных ценностей мог бы собираться до последнего цента сборщиком, сидящим в своей канцелярии. Расходуя лишь ни-

чтожный процент на периодическую оценку земель и прием взносов, народ, в своей совокупности, получал бы для общих надобностей почти целиком всю ту сумму, которая вносилась бы плательщиками налога.

Однако последовавшее сбережение никоим образом нельзя было бы оценить, принимая в соображение только сокращение в расходах по собиранию налогов и по связанным с ним операциям. Один из крупнейших недостатков теперешних налогов состоит именно в том, что они распределяются в повышенных ценах, что сверх обычных явных сборщиков они создают целую вереницу замаскированных, и что каждый из этих тайных сборщиков берет себе потом не только внесенный им налог, но также прибыль на него и разные случайные надбавки, нередко весьма значительные. Всем известно, как энергично противились понижению акциза с виски американские производители этого напитка или отмене налога на спички — производители спичек. А так бывает со всеми косвенными налогами. Вводятся они обыкновенно без всякого затруднения, но отменять их бывает не легко. Лишь только вносится биль об отмене налога на какой-либо предмет из массы их, обложенных налогами, как немедленно же в приемных законодательного собрания появляются разные личности, говорящие и действующие против такой отмены, — верный признак того, что налог этот приносит доход не одному только правительству, что он берет с народа не столько, сколько доставляет казне, а много более. Что

эта система, побуждающая крупные частные интересы скорее поддерживать высокие налоги, чем заботиться об их понижении, должна вести к расточительности в правительственных, расходах и к развращенности чиновников, — понятно без дальнейших объяснений.

И этого мало, что установив налог с ценности земель и отменив все прочие налоги, мы избавились бы от крупных материальных потерь: мы избавились бы также от политической деморализации, которая обнаруживается всюду в нашей стране, как неизбежное следствие существующей системы, создающей огромное число чиновников, занятых собиранием налогов, и массу разнообразных денежных интересов, впутанных в дело государственного управления. Упростив правительство, мы положили бы конец развращающему влиянию денег на нашу политику, оказали бы поддержку честности и патриотизму и сделали бы невозможной карьеру государственных людей для торгашей и спекулянтов, а главное, мы подняли бы народную нравственность. Почти все налоги, которые мы предлагаем отменить, становятся в конце концов налогами на добросовестность, и почти всеми ими устанавливаются награды за подкуп, подлоги и обман, за развращение чиновников и пренебрежение к общественным интересам. В виду множества возможных сбережений для общества и государства, решится ли кто отрицать, что замена налогом с ценности земель всех прочих налогов была бы высшим благодеянием для страны, — что она в огромной мере содействовала

бы общему благосостоянию? И сравнительно с такой "реформой гражданской службы" не будет ли казаться ничтожной полезная, сама по себе, реформа гражданской службы, осуществленная с огромной затратой времени и сил Джорджем Кёртисом в Соединенных Штатах*?

2. Рост производства

Теперешняя система, приурочивающая налоги к постройкам, улучшениям и, вообще, к капиталу во всевозможных видах и формах, является системой прямой помехи производству.

Некоторые из Южных Штатов ввели недавно законы, по которым хлопчатобумажные мануфактуры избавлены были на известное число лет от платежа налогов, и в результате оказалось множество новых хлопчатобумажных мануфактур там, где ранее никто о них и не думал. Разве не благоразумно поступили в этом случае Южные Штаты? Разве эти хлопчатобумажные мануфактуры не создадут новых отраслей промышленности, не увеличат богатства целых округов, не обогатят целых штатов? И если они поступили благоразумно в этом случае, то не поступили ли бы они еще благоразумнее, сделав это освобождение от налогов, вместо временного, постоянным? И если благоразумно было освободить от налогов хлопчатобумажные мануфактуры, то не было ли бы еще благоразумнее освободить от налогов все прочие производства, все виды капитала, все формы богатства, — дома и товары, лошадей и коров,

* Назначение чиновников по конкурентному испытанию. *Прим. перев.*

железные дороги и телеграфы? Разве не тот штат самый богатый, который имеет всего этого наибольшее количество? Чего же ради будут штаты облагать все это налогами? Население Нью-Йорка желает, чтобы понизились цены квартир, и в то же время взимаются сборы со строений, задерживающие постройку новых домов и отличающиеся от налога с ценности земель главным образом тем, что они уплачиваются в конце концов квартирантами в виде более высоких цен на квартиры.

За прямыми помехами производству, которые ставит теперешняя система, следует целый ряд косвенных со стороны косвенных налогов, передающихся в виде повышенной стоимости товаров от одного лица другому и возрастающих с каждой такой передачей. О действии их мы можем судить, хотя бы, по нашему таможенному тарифу, которым создаются на нашей границе искусственные преграды не меньшие, чем Анды или Гималаи, и который обходится народу во много раз дороже тех денег, какие он доставляет казне. Внося произвольные изменения в цены товаров, он достигает лишь одного: повсеместного стеснения трудовой деятельности, начиная с сооружения железных дорог и кончая постройкой деревянного сарая или изготовлением рубашек.

Ясно, что уничтожить все налоги, которые стесняют так промышленность, значило бы усилить повсюду производство и увеличить богатство. Но ясно также, что и установить налог

с ценности земель значило бы устранить ряд помех к производству. т. к. спекулятивная ценность, которую получает теперь земля всюду, где делается вероятным, что она потребуется для какого-либо дела, является прямой задержкой производству. Приобрести свободный участок земли под постройку дома, даже на окраинах наших больших городов, обходится обыкновенно не дешевле, если не дороже, чем построить самый дом. Прежде чем начать обработку девственной почвы там, где это представляется наиболее выгодным, фермер принужден бывает расстаться с большей частью своего капитала, спутать себя разными закладными или принять обязательство отдавать большую часть производимого им в виде арендной платы. В результате на дорогах оказывается масса бродяг и тяготение к центрам народа, который хочет работать, ищет работы, но не может ее найти даже во времена наибольшего оживления промышленности, а отсюда — неестественная конкуренция, которая во всех занятиях гонит заработную плату к минимуму, дающему одно голое существование, и с которой трудящиеся люди борются всюду, опираясь лишь на грубую силу. С одной стороны, мы видим чрезмерную скученность населения в городах, с другой — чрезмерную обособленность его в деревнях. Не говоря уже о нравственных, общественных и интеллектуальных невыгодах такого неестественного размещения народонаселения, его экономическим следствием может быть лишь препятствие к усовершенствованиям и растрата производитель-

ных сил.

Мера, которую мы предлагаем, устранила бы это препятствие и остановила бы эту растрату, т. к. она уничтожила бы земельную спекуляцию и сделала бы продажную цену земли лишь номинальной. Никто не стал бы заботиться о том, чтобы захватить себе побольше земли, которой он не может пользоваться, и никто не стал бы владеть землей, не имея возможности пользоваться ею наилучшим образом. Фермеры в деревне стали бы теснее селиться друг к другу, а небогатые люди в больших городах избавились бы от необходимости жить в грязных квартирах многоэтажных домов. Капиталисту, который хотел бы построить фабрику, не нужно было бы затрачивать так много из своего капитала на приобретение земли. Ему приходилось бы лишь уплачивать ежегодно налог с этой земли в размере ее доходности, причем он не знал бы более никаких других налогов. Всюду следствием этой меры было бы расширение сферы применения труда и капитала, при полном освобождении производства от налогов. Люди, желающие работать, получили бы возможность работать. Не стало бы более той неестественной конкуренции, которая проистекает от переполнения рынка рабочей силой, а возникший затем спрос на товары привел бы в движение все части промышленного механизма и довел бы до высшего напряжения все силы, участвующие в производстве.

Ясно, что это в огромной мере содействовало бы общему благоденствию и росту народного

богатства.

3. Более справедливое распределение доходов

Все налоги, ведущие к повышению цен, в силу этого являются также налогами, благоприятствующими развитию монополий, т. к. чем более требуется капитала для ведения какого-либо дела или для усовершенствований в нем, тем менее находится охотников им заниматься. А некоторые из числа таких налогов, подлежащих отмене при нашей реформе, как бы нарочно приспособлены к тому, чтобы оказывать содействие монополиям. Неравенству в распределении богатства, искусственному и не-необходимому, благоприятствует и то обстоятельство, что значительная доля производимого трудом и капиталом страны, достается в виде ренты людям, не участвующим в производстве, — собственникам земли в силу их права собственности. А возникнув, неравенство всегда обнаруживает тенденцию к росту или увеличению, Это — как бы мировой закон, что "всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется". Взять у одного и дать другому всегда и везде значит увеличить относительное влияние одного и уменьшить относительное влияние другого и тем самым поставить обоих в неравное положение при установлении последующих норм распределения. Проследите происхождение большинства крупных состояний, и вы всегда найдете его в мо-

нополиях того или другого рода, причем самой важной из них окажется монополия на землю. Бывают случаи, что капитал получает несообразную долю производимого богатства за свое содействие производству (собственно там, где скопляясь он объединяется в монополии), — однако не потому огромное развитие производительных сил, к которому приводил и приводит прогресс изобретений и рост народонаселения, не сказывается на подъеме благосостояние массы, — не потому трудящийся народ получает так мало на свое пропитание, и не потому заработная плата стремится к минимуму, могущему только поддерживать существование. С прогрессом промышленности и развитием общественных учреждений процент, которым измеряется доход с капитала, не повышается, а скорее обнаруживает тенденцию к понижению. Лишь рента все растет, растет и растет. Направить на удовлетворение общественных надобностей этот огромный фонд, создаваемый производительной деятельностью всего общества, но поступающий теперь в пользу лишь части общества, значило бы превратить силу, порождающую неравенство, в силу восстанавливающую равенство. Освободить капитал от налогов, которые стесняют теперь производство и задерживают улучшения, уничтожить земельную спекуляцию и сделать землю доступной для всякого желающего ей пользоваться, значило бы дать полный простор для всевозможных приложений труда и капитала и увеличить повсюду размер заработной платы.

Рабочим во всех отраслях производства, стало бы доставаться более справедливая, чем теперь, доля ценности, создаваемой их трудом.

Не может быть и сомнение в том, что на каждом из этих трех указанных нами путей влияния замены единым налогом с ценности земель всех прочих налогов, при помощи которых собираются теперь государственные доходы, было бы благотворительным для всего общества. Замена эта в огромной мере упростила бы и удешевила правительство; она в огромной мере увеличила бы производство богатства; она устранила бы то грубое неравенство в распределении, которое так мучительно сказывается теперь повсюду. А вникнув в предмет, мы заметим, что каждое, улучшение в одном из этих направлений само собою вело бы к улучшениям в других, — большее равенство в распределении, например, содействуя распространению образования и проявлениям изобретательности, увеличивало бы в огромной мере силы, занятые производством, а повышая общий уровень нравственности, делало бы правительство более чистым, более способным удовлетворять своему назначению, и сокращало бы экономические потери, связанные с нравственной распущенностью.

4. Кто выиграет, а кто проиграет от реформы

По отношению к факторам производства и первичному распределению продукта общество разделяется, для целей экономического иссле-

дования, на три класса: собственников земли, капиталистов и рабочих. Предлагаемая нами перемена, очевидно, была бы выгодна для капиталистов и рабочих и невыгодна для собственников земли. Однако только лишь в отвлечении можно разграничивать строго эти классы, особенно в таких странах, как Соединенные Штаты. Правда, у нас есть значительный класс рабочих, которые не имеют ни земли, ни капитала. Но все же у нас найдется очень немного капиталистов, которые не были бы в то же время работниками, т. к., в экономическом смысле слова, хозяин, руководящий каким-либо крупным промышленным предприятием, является в такой же мере работником, как и всякий рабочий, которого он нанимает, и, вероятно, у нас не окажется ни одного собственника земли, который не был бы в то же время работником или капиталистом, т. к., согласно точному определению термина, здание и улучшение суть капитал, а не земля*. Весьма значительная часть населения нашей страны представляет из себя одновременно землевладельцев, капиталистов и работников, и, конечно, огромное большинство может считать себя принадлежащим по меньшей мере к двум из этих классов. Таким образом выигрышу, в котором

* Собственно, они — богатство, и могут быть или не быть капиталом, смотря и по тому употреблению, какое из них делается. Однако для нас, в этом рассуждении, не представляется необходимым удерживать в виду различие между капиталом и богатством, так как при перемене, предлагаемой нами, всякое богатство было бы свободно от налогов, все равно, есть ли оно просто богатство или является в то же время и капиталом, — другими словами, применяется ли оно просто к удовлетворению желаний собственника или также к общим производительным целям.

участвовал бы каждый член общества, только лишь одни собственники земли, как таковые, могли бы противопоставить определенные личные потери. Стало быть, предложение сосредоточить налоги на ценности земель, рассматриваемое с точки зрения личных интересов, было бы выгодно даже и для собственников земли в тех случаях, когда их интересы, как собственников земли, не слишком преобладают над их интересами, как капиталистов или работников, или тех и других вместе.

По отношению к праву собственности на землю или праву владения ею население Соединенных Штатов может быть разделено на три класса: на класс людей, которые имеют землю, но сами ею не пользуются; на класс людей, которые имеют землю и сами ею пользуются, и на класс людей, которые вовсе не имеют земли. К последнему классу принадлежат и некоторые капиталисты, но главным образом он составляется из работников разного рода, — сельскохозяйственных рабочих, чернорабочих, фабричных, ремесленников, менеджеров, лиц свободных профессий и др., которые поддерживают свое существование своим трудом. Это класс, на котором по преимуществу следует останавливать внимание, и не в силу каких либо сентиментальных соображений, а просто потому, что он составляет основание общественной пирамиды, и все, что улучшает или ухудшает его положение, сказывается соответственно и на всем обществе. Ясно, что уничтожить, налоги на капитал, на

улучшения, на производство и на обмен значило бы в огромной мере облагодетельствовать тех, которые живут своим трудом, физическим или умственным. Ясно также, что уничтожение этих налогов было бы благодеянием и для тех, которые живут отчасти на приобретение своего труда и отчасти на приобретения своего капитала — для оптовых и розничных торговцев, фабрикантов и т. п. лиц, — и что увеличивая чистую прибыль на капитал оно было бы благодеянием для тех, которые живут исключительно с дохода на капитал.

Возьмем теперь случай излюбленный противниками единого налога, — случай фермера, который обрабатывает собственную землю, или случай мелкого городского собственника, живущего на принадлежащей ему земле. Не подлежит сомнению, что перемену в налогах, которую мы предлагаем, понизила бы продажную цену их земли (но только голой земли, отнюдь не строений или улучшений), а будучи доведена до конца, по существу дела и вовсе уничтожила бы эту продажную цену. Однако она никоим образом не уменьшила бы полезности их земли и никоим образом не сократила бы их дохода. Доход их, в сущности, увеличился бы, т. к. им приходилось бы при новом порядке платить менее налога, чем сколько платят они теперь. Менеджер, ремесленник, торговец или человек какой-либо свободной профессии, имеет дом на собственной земле, в котором он живет, быть может, стал бы платить более, чем теперь, налога с земли, но за то

он избавился бы от налогов, падающих теперь на его дом со всем, в нем находящимся, косвенно на все, что потребляет его семья. Также и фермер. Наши теперешние налоги с особой силой падают на земледельческий класс. Всюду в Соединенных Штатах они взимаются с улучшенной земли в большем размере, чем с неулучшенной, и, повышая в огромной мере цену всего, что приходится фермеру покупать, не повышают и, в стране, вывозящей хлеб, не могут повышать того, что ему приходится продавать. Но сделав единственным предметом обложения ценность земель, мы сразу переместили бы главную тяжесть налогов из редконаселенных земледельческих районов в густонаселенные центры, где земля имеет действительно высокую ценность. Вместе с тем уничтожились бы спекулятивные цены на землю, и многим фермерам, в результате, вовсе не приходилось бы платить налогов, т. к. никто из них, даже сделав крупные улучшения на своей земле, не должен бы был платить с нее более налога, чем сколько платится его с неулучшенной земли такого же качества и местоположения. Очевидно, для фермера было бы великое облегчение, если бы отменены были все налоги, падающие на его улучшения и на предметы, им потребляемые, и заменены были налогом с ценности голой земли, — с ценности, всегда более высокой в населенных центрах, чем земледельческих районах, и в редко заселенных земледельческих районах едва ли и вовсе существующей, кроме тех слу-

чаев, когда она создается спекуляцией. Да и новое размещение народонаселения, которое должно было бы наступить, заключало бы в себе не мало выгод для фермеров. Как выгадало бы население городов при уничтожении той системы, которая приводит к постройке многоэтажных домов, переполненных жильцами, среди участков пустующей земли, так выгадало бы и население деревень в производительности труда и общественных удобствах, при более тесном сближении поселков, когда не стало бы более побуждение захватывать себе более земли, чем сколько может быть использовано.

Не будем терять из виду и того, что если и понизилась бы цена какой либо земли, то это понижение коснулось бы также всех прочих земель, и, стало быть, меновая ценность какой-либо усадебной или полевой земли не изменилась бы по сравнению с ценностью всякой другой усадебной или полевой земли. Человек, желающий сохранить за собой и своим семейством прочное владение землей, на которой стоит его дом, или полем, которое он обрабатывает, понес бы лишь чисто номинальные, неосязаемые потери, имея огромные и вполне реальные выгоды; когда же подросли бы его дети, то для них стало бы делом несравненно более легким приобрести собственный дом или поле.

Кто действительно должен бы был понести потери, так это люди, которых доходы состояются главным образом из ренты, да люди, которые владеют землей в надежде получить впоследствии большую прибыль от продажи ее

желающим ею пользоваться. Однако, если и есть люди, принадлежащие исключительно к этому классу, то их во всяком случае очень немного. Все наши крупные землевладельцы являются в то же время в большей или меньшей степени капиталистами, и они выигрывали бы как капиталисты, хотя, может быть, и теряли бы как собственники земли. А если иногда относительная потеря и превышала бы относительный выигрыш, то только лишь в случае людей, могущих без вреда выносить такого рода потери (для лиц, находящихся в исключительном положении, как, например, вдовы, можно бы было выработать особые меры предосторожности). Если, не смотря на дело с какой либо узкой точки зрения, то всюду будет оказываться справедливым, что истинные интересы индивидуумов совпадают с высшими интересами общества.

Есть люди, как профессор Харрис, которые возражают против нашего предложение на том основании, что ренты было бы недостаточно для покрытие всех общественных расходов. И есть другие люди, как профессор Уокер, которые возражают против него на том основании, что ренты для этой цели было бы слишком много, что стал бы получаться огромный излишек, который сделался бы причиной общественного разложение и деморализации. Мы можем предоставить обеим этим категориям "статистиков" сговариваться между собой без нашего вмешательства. Будет ли ренты в Соединенных Штатах или каком-либо отдельном штате недостаточно для покрытие необходимых общественных расходов или ее будет для этого

слишком много, — это нимало не изменяет самого принципа. Если ее будет недостаточно, то это не оправдание для того, чтобы ею не пользоваться в той мере, в какой ее будет хватать. Если ее будет слишком много, то это не оправдание для того, чтобы отдавать индивидууму то, что по праву принадлежит обществу.

Ближайшим следствием сосредоточение налогов на ценности земель было бы прекращение земельной спекуляции и, в общем, падение цен на землю. Однако свобода, которую получила бы промышленность, когда уничтожены были бы все налоги, задерживающие производство, и открыт был бы доступ к земле, находящейся теперь вне пользования, вскоре же стала бы являть свое могучее действие в смысле побуждения к улучшениям и увеличению общего благосостояния, а вместе с тем, как это всегда бывает с прогрессом общества, стала бы подыматься действительная (неспекулятивная) ценность земель, стал бы возрастать тот общественный фонд, который можно было бы употреблять для общих надобностей, не налагая никакого бремени на промышленность. Непрерывно возрастая, фонд этот в короткое время достиг бы таких размеров, какие показались бы теперь необычайными, и было бы совершенно напрасно при этом опасаться, что для него могло бы не оказаться тогда достаточно благодетельных применений, т. к. как бы быстро он ни возрастал, с развитием общества росли бы также и общественные нужды. Что же касается развращающего влияния какое могло бы оказывать на власть распоряжение таким огром-

ным бюджетом, то мы уже не боялись бы его, зная, что, бросив принятые теперь способы собирания налогов, мы чрезвычайно упростили бы функции правительства, и что улучшив общественные условия, уничтожив нужду и боязнь нужды, мы вместе с тем подняли бы и общий уровень нравственности. В человеческой природе нет ничего такого, что препятствовало бы людям в делах общественных быть такими же добросовестными, какими они бывают в делах чисто личных; и когда богатство перестанет быть предметом поклонения, тогда народ поймет, какое право имеет честность на его уважение.

Сосредоточить все налоги на ценности земель значило бы сложить тяжкое бремя с труда и капитала, освободить от пут энергию и предприимчивость, уничтожить побуждение к земельному хищению и открыть доступ к естественным удобствам для всякого, желающего ими пользоваться, не принуждая его, как теперь, платить за то тяжелую пошлину какому-то другому лицу, не принимающему участие в производстве. А за свободой действия, предоставленной таким образом производительным силам, необходимо последовало бы огромное увеличение производства богатства. Фонд, из которого должны получаться все доходы, чрезвычайно возрос бы, а вместе с тем установилось бы и наиболее полное равенство в распределении. Свобода действия оказалась бы существенно важным условием не только наиболее деятельного производства, но также и наиболее справедливого распределения.

Для того, кто лишь вскользь думал об этом предмете, покажется нелепостью говорить о простой перемене в налогах, как о радикальном средстве против нищеты, низкой заработной платы и всех общественных зол, которые гнетут теперь цивилизованный мир. Но тот, кто вникнет в предмет, поймет, что это действительно радикальное средство и что с ним мы уверенно можем идти к тем великим целям, которые имеем в виду. т. к. снять тяжесть налогов с производства и накопления богатства и возложить её на присвоение того элемента, который доставляет сырые материалы богатства, значило бы устранить преграды к естественному взаимодействию общественных сил, оказывающие на общественный организм такое же : действие, какое оказывали бы на тело человека повязки и лигатуры, задерживающие обращение крови. И только признав общее и равное право на землю, мы могли бы обеспечить личное и исключительное право на производство труда и согласовать наши наиболее важные общественные учреждение с высшим законом справедливости.